

Юлий Буркин
Королева полтергейста

«Автор»

1994

Буркин Ю. С.

Королева полтергейста / Ю. С. Буркин — «Автор», 1994

Нелегко досталась Маше её способность становится невидимой. Не для всех, но для любого конкретного человека. Вот только о таком даре всегда мечтали преступники. И горе тем, кто поверил в сказку про Робин-Гуда.

© Буркин Ю. С., 1994

© Автор, 1994

Содержание

Маша	5
1.	5
2.	9
3.	12
4.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юлий Буркин

Королева полтергейста

Маша

1.

Ей исполнилось тринадцать лет, когда мать вышла замуж во второй раз. До самой материнской свадьбы Маша даже не видела человека, которому предстояло стать ее новым отцом, но намерение матери одобряла (жили они замкнуто, обилием друзей Похвастать не могли, но друг с другом нередко откровенничали, словно ровесницы).

Своего родного отца Маша помнила и любила, но за последние три года встречалась с ним только раз: он поймал ее по дороге из школы, они прокатились по городу на машине его старого приятеля – бородатого и лысого дяди Бори – и втроем посидели в кафе-мороженом.

Прикуривая сигарету от сигареты (хотя курить здесь, конечно же, не разрешалось), отец объяснил, почему не может теперь часто видеться с ней: со своей нынешней семьей он переехал в Петербург, где ему предложили возглавить кафедру античного права и пообещали жилье. Он попытался объяснить ей («ты уже большая и должна меня понять...»), что он не «бросил», не «предал» ее с мамой, а просто полюбил другую женщину и уже не мог без той. А с мамой у них жизнь давно не клеилась.

Маша знала, как трудно пришлось с ней родителям, и считала, что в их неурядицах есть доля и ее вины. И она прямо спросила об этом отца. Тот, усмехнувшись, ответил, что как раз наоборот: именно тогда они жили с матерью душа в душу, когда над жизнью и здоровьем Маши нависала страшная угроза. Ведь Маша при рождении получила серьезную черепно-мозговую травму и около двух минут находилась в состоянии клинической смерти. И чуть не до года два-три раза в неделю с ней случались припадки, внешне напоминавшие эпилептические.

Отец и мать возили ее на физиопроцедуры, делали ей предписанные инъекции, занимались с ней рекомендованной медиками гимнастикой, показывали светилам местной науки и бабкам-знахаркам. И приступы у Маши случались все реже и реже: раз в неделю, раз в месяц, в год... В последний раз это случилось с ней в пять лет, и сейчас еще она смутно помнила нахлынувшее тогда ощущение: пространство вокруг становится вязким, липким, как мед, а откуда-то изнутри монотонный голос начинает все громче и громче бормотать неизвестные, но страшные слова... Еще через два года врачи объявили, что недуг, по-видимому, побежден окончательно. Но вместе с ним кануло в бездну и все лучшее, что было когда-то между матерью и отцом.

Все это он рассказывал ей так, словно беседовал с совсем уже взрослым человеком. А прощаясь, попросил не говорить об их встрече дома: ведь мама до сих пор не простила его, да и, пожалуй, вряд ли когда-нибудь простит. Чего доброго, она рассердится и на Машу.

Дочь не осуждала его, но чувствовала все же, что, как бы ни мучило его сейчас сознание вины, он гораздо счастливее мамы. Поэтому-то, когда та, изо всех сил делая вид, что для нее это вовсе ничего не значит, как бы между прочим бросила, что некий замдиректора Степан Рудольфович к ней, кажется, равнодушен. Маша с ходу заявила: «А ты выходи за него замуж», чем повергла мать в неопишное смущение и оторопь.

Когда дар речи к матери вернулся, она устроила дочери средних размеров нагоняй за невыдержанность, однако устами младенца глаголет истина; не прошло и полугода, как носат

тый и краснолицый Степан Рудольфович возник на пороге их квартиры с белым свадебным цветочком в петлице.

В первый момент отчим Маше сильно не понравился. Ей даже казалось, что от него исходит густой запах вареного мяса. Причем чувствовала она этот «запах» не носом, а всем существом.

Но уже через месяц под воздействием его подчеркнутой вежливости, а в особенности благодаря недешевым подаркам инстинктивная неприязнь Маши к отчиму почти полностью растаяла, и она изредка уже могла заставить себя выдать обращение «папа Степа».

Что изменилось в ее жизни? Изменения по ее собственной классификации были и хорошие и плохие.

Хорошие. У нее появились красивые новые тряпки, роликовые коньки, на которых она теперь по вечерам училась ездить, наконец – карманные деньги (не только, как раньше, на школьные обеды). Она увереннее стала себя чувствовать в классе и иногда во всеуслышание, но не без внутреннего содрогания, заявляла: «Вчера мы с ОТЦОМ ходили...» А главное – у нее появился избыток свободы; мать теперь не столь ревностно следила, куда она идет и когда возвращается, и, казалось, даже рада была, когда ее долго не было дома, то есть когда они с мужем могли побыть одни в своей тонкостенной квартирке.

Плохие изменения. Откровенные разговоры с мамой прекратились полностью. Теперь приходилось дома, где она привыкла вести себя как заблагорассудится, постоянно помнить о присутствии чужого человека, следить за речью и поступками (не расхаживать по квартире полуодетой, не вламываться без стука в мамину спальню и так далее).

И самое неприятное. Отныне она вынуждена была раз в неделю (в пятницу вечером) выслушивать долгие и нудные нравоучительные проповеди, до коих Степан Рудольфович после принятия нескольких бутылок пива был изрядный охотник.

Она не знала только, к какой категории – хороших или плохих изменений – отнести то, что сопровождало эти нотации. В пятницу после работы отчим, нетвердо держась на ногах, вваливался в квартиру, отдавал пальто и шапку подоспевшей жене, проходил в комнату, падал в кресло перед выключенным телевизором и неизменно требовательно звал: «Дочка!..» Маша старалась дотянуть до этого момента и не лечь спать, а значит – быть нормально одетой. Но случалось, что уже нельзя было не лечь в постель (а по молчаливому согласию между ней и матерью все шло так, словно обе они не ведали, что сейчас произойдет), и тогда она выходила в рубашке.

В любом случае он сгребал ее в охапку, затаскивал на колени и начинал монотонно объяснять ей, почему учиться следует обязательно хорошо или почему нужно слушаться маму и всемерно заботиться о ее здоровье. И потные ладони его при этом ползали по всему ее телу, невзначай заползая порой черт знает куда; и речь его при этом становилась особенно бессвязной и прерывистой, а и без того багровое лицо его делалось еще темнее.

Маша совсем не помнила отцовскую ласку, и она гнала от себя мысль, что все это не совсем естественно, обвиняя себя в излишней подозрительности и даже испорченности: ведь, наверное, все отцы так ведут себя с дочерьми. Гладит же она котенка и не задумывается, где можно, а где нельзя. Да и если это было бы чем-то плохим, мама, наверное, не потакала бы своему мужу. А она в такие минуты всегда уходила на кухню. И все-таки что-то тут было не так: Маша чувствовала это уже потому, как нервно и звонко гремит за стеной перемываемая матерью посуда.

Но однажды, в отсутствие мужа, мать в редком ныне порыве искренности, смущаясь, как первоклашка, поделилась с Машей новостью, которая заставила ее целые сутки вспоминать отчима только с благодарностью. Новость заключалась в том, что скоро у Маши появится маленький братик или сестренка.

Она умела сдерживать свои чувства и, чтобы не обидеть мать, а еще более оттого, что не знала, как в этом случае нужно себя вести, сделала вид, что, кроме легкой радости, известие это не вызвало в ее душе никакого отклика. На самом же деле она была потрясена. Она, конечно, давно уже знала, что в создании ребенка участвуют и женщина и мужчина, но единственный из данного посыла вывод, который она делала применительно к своей семье, это то, что с момента развода родителей ей нечего и надеяться заполучить сестренку или братишку. Она свыклась с этой мыслью, и сейчас ей как-то не приходило в голову, что повторное замужество матери что-то в таком раскладе вещей меняет.

В тот же день, улучив момент, она выскользнула из квартиры и, подгоняемая радостным возбуждением, помчалась в соседний подъезд – поделиться умопомрачительной новостью с лучшей подругой Алкой.

Весь вечер они наперебой болтали о предстоящем событии. Они перебирали в уме пеленки и распашонки, которые необходимо немедленно приобрести. Представляли, как по очереди будут гулять с лялькой в коляске, а проходящие мальчики будут думать, что перед ними – юные мамы, и от удивления по уши в них влюбятся. (Правда, у Алки шансов сойти за мамашу было маловато: тоненькие ручки, тоненькие ножки, плоская грудь и веснушчатое мальчишеское лицо. Зато Маша в свои неполные четырнадцать физически была развита очень неплохо и выглядела на все семнадцать, а то и восемнадцать. Но Маша великодушно поддерживала и Алкины честолюбивые мечты.) Они перелистали от корки до корки «Словарь имен» и после долгих споров и пререканий твердо решили, что ребенка, если это будет девочка, следует назвать или Кристиной, или Моникой, мальчика же – непременно Арнольдом. Хотя и возникали сомнения, захочет ли мама называть новорожденного столь диковинно.

Домой Маша вернулась в состоянии легкой эйфории. Она так глубоко погрузилась в свои розовые мечты, что не заметила необычную натянутую молчаливость, за ужином царящую между мамой и отчимом.

Сон никак не шел к ней, но когда минут через сорок после того, как она легла, в комнату заглянула мать, она сделала вид, что спит, и та, постояв немного возле ее кровати, погасила свет.

Маша всегда засыпала с зажженным светом, а просыпалась с погашенным; она знала, что каждую ночь мать заглядывает к ней, чтобы погасить его, но бодрствовала она в этот момент впервые. И впервые она поняла истинную причину этих ночных визитов: мать просто проверяет, спит ли она, чтобы вести себя в соседней комнате не стесняясь. Сразу после ее ухода за стенкой раздались ее и отчима громкие голоса. Звукоизоляция в квартире отсутствовала напрочь, и родители, по-видимому, позволяли себе жить своей тайной взрослой жизнью только после того, как удостоверились, что Маша их уже не услышит.

Сопоставив эту догадку с сегодняшним признанием матери, Маша, затаив дыхание, прислушалась к тому, что происходит за стенкой, надеясь уловить что-нибудь интимное. Но то, что она услышала, вызвало лишь разочарование и негодование, хотя поняла она и не все.

– Но, Степа, – говорила мать со слезами в голосе, – я ведь уже не девочка, мне уже тридцать семь, и больше ЭТОГО уже может не случиться. А я так хочу еще хотя бы раз побыть молодой мамой.

Голос отчима гневно вешал:

– Да отдаешь ли ты себе отчет в том, что собираешься совершить?! Она, видите ли, хочет побыть «молодой мамой»! Если бы ты думала не только о себе, а о нас обоих, ты бы понимала, что этого сейчас нельзя ни в коем случае! Мы перебиваемся с копейки на копейку, у нас нет ни минуты свободного времени...

– Я как раз и думаю о нас обоих: если у нас будет общий ребенок, мы станем ближе...

– Общий ребенок! Выходит, ты сомневаешься в том, что я считаю Машеньку родной, да? Ну конечно, разве я, такой эгоист, такой черствый и бессердечный человек, могу считать своим ребенком твою дочь?.. А я, между прочим, очень даже привязался к ней!..

– Это-то я хорошо заметила, – отозвалась та.

– На что ты намекаешь таким ехидным тоном?! – вознагодовал Степан Рудольфович. – Ах, понятно... Ну конечно, мои чувства могут быть только самыми низкими, ведь это МОИ чувства!

– Ну прости меня... Это я от обиды, не подумав. Но что же мне делать? Что ты предлагаешь?

Отчим что-то коротко буркнул, после чего мать долго молчала, а затем Маша услышала ее сначала тихий, а потом перешедший в громкие рыдания плач. Наконец мать смогла говорить:

– Может ведь случиться, что после этого я уже не смогу иметь детей... Степушка, ну пожалуйста, только не это.

– Так нечестно, Галя, – напирал отчим. – Ты прекрасно знаешь, что это единственный выход, но вынуждаешь сказать об этом именно меня, а потом плачешь и выставляешь меня каким-то извергом. Я ведь просто хочу, чтобы всем нам было хорошо... Давай повременим еще хотя бы год. Ну скажи, например, как мы втиснемся здесь вчетвером?..

Слова и слезы текли рекой, и Маша, уже не прислушиваясь, плакала тоже, уткнувшись носом в подушку. Она не знала, чем кончится разговор, но чувствовала, что отчим, как всегда, одержит верх. И не будет у нее ни братика, ни сестренки. И она возненавидела отчима – за миг до того, как окончательно погрузиться в сон.

2.

Но звонким весенним утром все кажется уже далеко не таким мрачным. Хоть в школе Маша и довольно грубо оборвала начатый было Алкой разговор на вчерашнюю тему, хоть она и переставала порой слышать, что говорят учителя, полностью отключаясь от окружающей действительности и уходя в свои невеселые мысли, все же большую часть времени она была оживленной и смешливой, как всегда. А когда на последней перемене она заметила, каким взглядом смотрит на нее давняя ее симпатия Леша Кислицин – атлетически сложенный темноглазый мальчик из одиннадцатого класса, настроение ее окончательно установилось, и казалось, ничто уже не может его испортить.

Но выяснилось – нет ничего проще. Для того, чтобы ее настроение вновь было сведено на нет, ей достаточно было, придя домой, взглянуть на припухшие от слез мамины глаза. Все время пытаясь отвести их в сторону, мама сказала:

– Дочка, завтра меня не будет дома. В субботу и в воскресенье – тоже. Я буду в больнице.

– Ты заболела? – спросила Маша с вызовом, проверяя, хватит ли у матери духу не соврать ей.

– Нет... то есть да. Поживите эти три дня без меня. В холодильнике две пачки пельменей, сметана и молоко. Если понадобятся деньги, возьми у папы Степы. И слушайся его. Если зайдет тетя Зина...

Не дослушав, Маша отвернулась, закусив, чтобы не расплакаться, губы, прошла в свою комнату и заперлась. Там, не раздеваясь, она плюхнулась на кровать и долго провалялась так без движения, но и без слез, пока не уснула, сама того не заметив.

Она проснулась под утро, стянула с себя одежду и, с блаженством ощущая прикосновение свежего белья к голой коже, вползла в прохладную постель. Но глаз уже больше не сомкнула, а лежала и думала, наблюдая в то же время, как в комнате становится все светлее.

Она думала о своей жизни, об отце, о том, как было бы хорошо, если бы тот никуда не уходил. Уж он-то не заставлял бы маму идти делать аборт. Она даже вздрогнула, произнеся про себя это слово. Она и не помнила, откуда знает его. Потом она подумала о Леше Кислицине, подумала, как бы вел себя он, если бы она сказала ему, что ждет ребенка. Уж, наверное, не так, как отчим. Ведь Леша хоть и культурист, но совсем не тупой, как другие «качки»; наоборот – и учится нормально, и на гитаре играет. И уж конечно, если полюбит ее, то ребенку будет только рад.

Тут она подумала, что скорее всего это не совсем нормальные мысли для тринадцатилетней девочки. Почти четырнадцатилетней, поправила она себя, слегка сама с собой кокетничая. И еще добавила мысленно: и очень даже симпатичной... Да, в классе она точно самая красивая. А может быть, даже в школе. И почти все мальчишки в нее влюблены. Потому что она вся в маму. Такие же синие (и чуть зеленоватые) глаза. Такие же светлые душистые густые волосы... Значит, она будет так же несчастна, как мама? Почему я была такой грубой с ней вчера? Ей ведь сейчас хуже всех, и она-то ни в чем не виновата.

За стенкой раздался звонок будильника и послышалась возня просыпающихся. Потом – плеск воды, шаги, приглушенные кухонные звуки. Потом раздался стук в дверь ее комнаты, и мамин голос: «Машенька, пора вставать».

Маша выпрыгнула из постели, распахнула дверь и повисла у мамы на шее, осыпая поцелуями ее лицо. «Ну что такое?» – смущенно отстранилась та. «Прости меня, мамочка, – шепнула Маша, – ты лучше всех, всех, всех», – и скользнула в ванную.

Потом был молчаливый завтрак, потом всем семейством они вышли из дома (Маша – в школу, мама со Степаном Рудольфовичем – в больницу).

А в школе случилась неприятность – сказался ее сегодняшний короткий сон: на Последнем уроке, химии, Маша уснула, уронив голову на руки, и заметившая это вредная молодая химичка по прозвищу Крокодил, ни в малейшей степени не опасаясь болезненно задеть самолюбие своей немаленькой уже ученицы, с ехидными замечаниями выставила ее за дверь.

Они всегда недолюбливали друг друга, и, видно, неказистая учительница была рада возможности отыграться, измываясь над симпатичной подопечной. «Ну, Крокодилище, ты меня еще вспомнишь, – сжав кулаки, шептала Маша по дороге домой, – я тебе устрою, – не зная, правда, что и когда она ей устроит, – ты у меня попляшешь еще!»

Дома было пусто и одиноко. Маша вскипятила воду и, приспособив перед собой на складной подставке для книг любимых «Трех мушкетеров», попила чаю с печеньем. Потом, не отрываясь от книжки, завалилась на кровать. Читая, на месте благородного Атоса она видела Лешу Кислицина, себя же представляла то королевой Анной, то Констанцией Бонасье, а то и Миледи – в зависимости от того, к какой из героинь она испытывала в данный момент наибольшую симпатию.

Вот тут-то, за чтением Дюма-отца, и настиг Машу миг, перевернувший всю ее жизнь, пустивший ее по новому руслу, в новом, неожиданном направлении. «Один из моих друзей... – читала она, – один из моих друзей, а не я, запомните хорошенько, – сказал Атос (Леша Кислицин) с мрачной улыбкой, – некий граф из той же провинции, что и я, то есть из Берри, знатный, как Дандоло или Монморанси, влюбился, когда ему было двадцать пять лет, в шестнадцатилетнюю девушку, прелестную, как сама любовь...» Так как девушкой этой в данный момент, несомненно, была Маша, прочтя эти строки, она зарделась от смущения... И тут раздался скрежет отпираемого замка, затем скрипнула дверь, и Маша узнала шаги отчима – такие, какие бывали у него вечерами по пятницам. А сегодня и была пятница, как она могла забыть об этом! И из глубины квартиры уже раздался традиционный зов:

– Дочка!

Маша вошла в мамину комнату. Степан Рудольфович, растопырив обтянутые мятыми коричневыми брюками ноги, сидел в кресле возле телевизора и смотрел на нее бесцветными пьяными глазами.

– Вот она, наша умница, – сказал он, елеинно улыбаясь, – вот она наша красавица Ну, иди сюда, моя девочка, – он протянул руку и поймал ее за запястье, – иди к своему папочке.

И она, как и много раз прежде, очутилась у него на коленях. Но что-то в его голосе, в том, КАК он держал ее сегодня, было не таким, как всегда, и вызывало у нее инстинктивное чувство опасности. Что-то было не так... И тут Маша осознала, что впервые в это время дома нет мамы! И она ощутила, как ужас, пока непонятно еще перед чем, сковывает ее тело.

– Вот какие у нас волосики, – упоенно ворчал отчим, внедряя свою пятерню в шелковистую копну, – как у мамочки, как у мамочки. – Смешанный запах пива, перегара и табака тошнотворной волной вырывался из его рта вместе со словами. – Вот у нас какая кожица – мягкая, тонкая...

Его ладонь спустилась с ее головы, смачно прошлась по шее, обвив ее, забралась под кофточку на плече, выбралась оттуда и принялась торопливо и неловко расстегивать верхнюю пуговичку.

«Я же маленькая», – мелькнуло у Маши в голове. Она попыталась встать, но почувствовала, как правая рука отчима стальной хваткой стиснула ее ногу чуть выше колена.

– Степан Рудольфович! – выдавила она в смятении, но тот сквозь похотливую улыбку поспешно перебил ее, поправляя:

– «Папа Степа», Машенька, «папа Степа».

Она дернулась изо всех сил и услышала, как сыплются на пол оторванные пуговички блузки.

– Я все маме расскажу! – крикнула она, но крик получился какой-то приглушенный и неубедительный.

– Расскажи, расскажи, – возбужденно хохотнул отчим и, потянув лифчик вверх, освободил от его тесного плена небольшую еще, но упругую и красивую грудь.

И тут же его правая рука, быстро скользнув вверх по ее ноге, беззастенчиво забралась под юбку. Ничего, кроме страха и омерзения, не возникло в этот момент в Машинной душе. А чужая рука, продолжив свой бесстыдный путь, забралась под резинку ее плавочек и похозяйски влезла между ног... И вот тут-то Маша взвизгнула и впилась зубами в левую руку отчима, елозившую в этот миг по ее нагой груди.

Взвыв от боли, он рывком поднялся с кресла. Маша упала на пол, откатилась к двери и тут же, вскочив на ноги, кинулась в свою комнату. Выругавшись, отчим последовал за ней, но она успела захлопнуть дверь прямо перед его носом и задвинула легкий засов. Она не подумала о том, что такой запор не преграда для стокилограммовой туши «папы Степы», и первым ее инстинктивным порывом в мнимой безопасности было ПОЛУЧШЕ ОДЕТЬСЯ.

Она натянула лифчик на место и схватила со спинки стула толстый, связанный тетей Зиной свитер. В этот момент раздался первый грузный удар в дверь снаружи, а вторым ударом засов был высажен, и, когда голова Маши вынырнула из ворота свитера, перед ней, хрипло дыша, уже стоял похожий на разъяренного борова баг роволицый отчим.

Очень медленно, словно боясь спугнуть, он стал наступать на нее, расстегивая непослушный брючный ремень, она так же медленно попятилась назад, словно загипнотизированная, глядя в налитые кровью трещины глаз. И тут она наступила на ботинок с роликами, а тот выскользнул из-под ее ступни...

Маша, не удержав равновесия и неловко взмахнув руками, упала на спину и сильно ударилась о край батареи. И сейчас же странное ощущение завладело ее сознанием: ощущение полной невозможности всего происходящего. Всего этого на самом деле просто не может быть... А если окружающее все-таки существует реально, то здесь не может быть ее самой...

Всем существом она почувствовала, как страстно стремится ОТСУТСТВОВАТЬ здесь. И еще она почувствовала неожиданную уверенность, что, если она захочет этого еще хоть чуточку сильнее, так оно и будет. И она закричала: «Меня нет! Нет!» – глядя в вытаращенные белки глаз склонившегося над ней отчима. И обнаружила, что кричит она МЫСЛЕННО. И окружающее вдруг стало обретать некую призрачную плотность, воздух стал вязким, как мед, а откуда-то изнутри послышалось сначала неясное, а затем все более отчетливое, более громкое бормотание. Голос бубнил на неизвестном языке, но Маша знала: говорит он как раз о том, что ее нет сейчас в этом мире.

Свет вокруг начал меркнуть, но она успела подумать, что нечто подобное с ней уже случилось когда-то очень давно, и увидела сначала удивленное, а потом – насмерть перепуганное лицо отпрянувшего Степана Рудольфовича. И последняя вспышка: застывшие на половине восьмого стрелки стенных часов за спиной отчима. И Маша провалилась в небытие.

3.

Она очнулась. Раскалывалась голова. На часах – без десяти восемь. Из-за стены раздавался громкий храп. Маша опасливо прислушалась к себе, и от мысли о том, что, по-видимому, произошло с нею, ее бросило сначала в жар, а затем – в дрожь. Она ощупала одежду, застежки... и убедилась, что НИЧЕГО ПЛОХОГО отчим с ней все-таки не сделал. Она осторожно поднялась и, боясь скрипнуть половицей, выбралась из комнаты к входной двери. Там захватила портфель и выскользнула на площадку.

С Алкой они нередко оставались ночевать друг у друга (так приятно часа два-три перед сном поболтать на «женские» темы), потому та ничуть не удивилась появлению Маши. Только спросила, отчего она так бледна и взволнованна, но удовлетворилась уклончивым ответом, что ничего страшного и что попозже все узнает. И принесла по Машиной просьбе две таблетки анальгина.

Потом Алкина мама жарила на кухне рыбу и готовила к ней картофельный гарнир, а Алка и Маша варганили торт «Поцелуй негра» по рецепту, списанному у одной девочки в школе. Втроем они с удовольствием болтали о чем попало, смеялись и, в общем, чувствовали себя настоящими хозяйками. Только один эпизод чуть было не омрачил их беседу – когда Алка хотела сообщить матери о скором прибавлении в Машинем семействе. Стоило ей лишь заикнуться, мол, «между прочим, Машина мама...», как гостя под столом что есть силы саданула ей по ноге. Алка ойкнула и вскинула на подругу моментально наполнившиеся слезами глаза. Но Маша так заговорщицки подмигнула ей, что Алка прикусила язык, решив: тут кроется некая волнующая тайна, которая будет открыта ей позже, с глазу на глаз.

Потом они вместе поужинали – Алка, ее добрая рыжая мама, толстый папа, восьмилетний озорной братик Никита и Маша. Посмотрели по телевизору «лучшую двадчатку MTV» и отправились спать.

Маша уже придумала, что врать. Она рассказала, что из-за возраста и какого-то женского недуга врачи категорически запретили маме рожать, и ей пришлось лечь в больницу. Отчим очень переживает и сегодня с горя напился. Ей же с ним одним, тем паче пьяным, стало скучно, вот она и решила до маминого возвращения пожить у Алки.

В понедельник они вместе отправились в школу, вместе, отучившись, шли обратной дорогой и, лишь дойдя до дома, расстались.

Войдя в свой подъезд, Маша остановилась и прислонилась лбом к косяку. Улыбка, которую для Алки и других ребят она так долго удерживала на лице, теперь была не нужна. Маша двинулась вверх по лестнице. Но с каждой ступенькой все медленнее и медленнее... И вдруг услышала стук двери внизу. И – знакомые шаги! Она кинулась обратно и прижалась щекой к маминой груди. Конечно, она и вправду обрадовалась, увидев маму после трех дней разлуки. Но главное – исчез страх: теперь она может безбоязненно вернуться домой.

Мама ключом открыла дверь, и они вместе вошли в квартиру. Маша сразу же прошла в свою комнату, сбросила свитер, взяла в руки книжку, забралась на кровать и затаила дыхание. Она была бы рада никогда больше не видеть противной красной рожи Степана Рудольфовича. Но это ее дом, ее комната, ее мир. Она не могла не вернуться сюда. Возможно, следовало бы обо всем рассказать маме, но на это у нее, наверно, никогда не хватит решимости.

Маша пыталась читать, но в голову ей лезли невеселые мысли, и она по три-четыре раза перечитывала каждую строчку, прежде чем смысл ее доходил до сознания. А к неприятностям, надо сказать, добавилась и еще одна. На уроке Алка сообщила ей новость: ее Атос – Леша Кислицин – переходит в другую школу. А они даже ни разу еще не поговорили с ним, только переглядывались – почти год. Они оба ждали, когда кто-нибудь их познакомит или обстоятель-

ства сами собой сблизят их. Но этого все не случилось и не случилось. А теперь уже, наверное, и не случится никогда.

... В дверь (на которой, кстати, Маша тут только разглядела новенький засовчик) заглянула мама и позвала:

– Дочура, идем есть.

– Что-то, мама, не хочется.

– Марш, без разговоров! – скомандовала мама с деланным весельем в голосе и исчезла.

Маша нехотя поднялась. Снова натянула свитер: ей хотелось быть как можно более одетой... И с содроганием двинулась на кухню, где уже восседал отчим.

Проскользнув мимо него. Маша села за стол напротив. Но он продолжал хлебать, даже и не взглянув на нее. А ее бил мелкая дрожь. Мама села рядом с мужем.

– Что же вы пельмени не съели? – сокрушенно сказала она. – И чем только вы тут без меня питались? Выключи-ка печку, – обратилась она к Маше, которой легко было дотянуться до плиты, не вставая со стула.

Отчим странно посмотрел на жену. Маше показалось, он почему-то решил, что выключить плитку мама попросила его. А чтобы это сделать, ему пришлось бы обойти стол, и маме тоже тогда нужно было бы встать, чтобы пропустить его.

Не поднимаясь, Маша повернулась к плите, крутнула ручку выключателя, затем взяла левой рукой вскипевший большой эмалированный чайник, правой – маленький чайничек-заварник и понесла их над столом к расставленным мамой чашечкам. В первую очередь – к чашке отчима.

И тут Степан Рудольфович вдруг неестественно выпрямился, откинулся на спинку стула, выставил перед собой руки и, глядя на чайник дикими глазами, сдавленно, с бульканьем в горле прохрипел: «Не-е-ет!!!». И в звуке этом было столько неподдельного ужаса, что по коже у Маши пробежали мурашки. Мама испуганно глядела на мужа. А тот, судорожным движением отодвинув себя вместе со стулом от стола, приподнялся и, не отрывая взгляд от чайника, вдруг вытянул руку и что есть силы ударил ладонью по его глянцевому боку.

Чайник вылетел из Машиных рук, ударился о стол, и во все стороны брызнул кипяток, только чудом никого не ошпарив. Вскрикнув негодуяще, – «Маша!» – мама отскочила от стола, но тут же сообразила, что Маша-то как раз ни при чем, и, обернувшись к мужу, произнесла сердито: «Ты что, Степа?!»

А тот, с округлившимися глазами, с покрытым крупными каплями пота лбом, вжался спиной в угол и делал то, что уж никак нельзя было бы от него ожидать: быстро и старательно КРЕСТИЛСЯ.

Маша, готовая от испуга и непонятности происходящего расплакаться, поставила заварник на стол и выбежала из кухни. Но почти сразу к ней в комнату вошла мать и спросила строго:

– Маша, что тут у вас произошло, пока я была в больнице?

– Ничего особенного, – соврала та, – может быть, что-нибудь случилось, когда меня не было? В субботу и в воскресенье я у Алки ночевала.

– Почему?

– Степан Рудольфович в пятницу напился, мне было скучно дома одной, и я ушла.

– Похоже, он пил без продыху все три дня. По-моему, это называется «белая горячка».

Он все время твердит: «Чайник летает, чайник летает» – и больше ничего не может сказать.

И тут Маша вспомнила, как отчим за столом смотрел словно бы сквозь нее, как затем вел себя, и странная догадка посетила ее.

– Mam, знаешь, по-моему, он меня не видит, – высказала она свою мысль.

– Как это?

– Не видит – и все. Я взяла чайник, понесла, а ему казалось, что чайник летает сам собой, понимаешь?

– Как это можно – человека не видеть? Чепуха какая-то!..

– Сама знаю, что чепуха, но прикинь, чего он тогда так перепугался? Знаешь, как он смотрел на этот дурацкий чайник?..

– Ну-ка, пойдем, – потянула ее мама за рукав, – пойдем проверим...

Когда Маша вошла в комнату, Степан Рудольфович во все глаза глядел на нее. Выходит, догадка ее неверна. Но, пройдя внутрь, Маша убедилась, что смотрел он не на нее, а на открывшуюся дверь, потому что взгляд его не следил за вошедшей, а остался прикованным к проему, в котором показалась мать.

А Маша, вновь увидев его в том самом кресле, памятью кожи ощутила его липкие ладони, а затем цепочка ассоциаций вмиг привела ее к недавнему обмороку. И тогда отчим смотрел на нее точно тем же взглядом, что и сегодня на кухне. А еще ей вспомнилось то удивительное чувство исчезновения из реального мира... В это время очень ненатуральным голосом (плохая из нее актриса) мать спросила:

– Степушка, а где Маша?

– Я же тебе сказал уже, – раздраженно отозвался отчим, – не знаю я. У подружки какой-нибудь, наверное. Дочка, нечего сказать. Знает ведь, что ты сегодня выписываешься, так хоть бы заглянула, поздоровалась.

Маша почувствовала, как ее страх перед этим подлым человеком уступает место ненависти.

– А когда ты ее в последний раз видел? – продолжала экспериментировать мать.

– В пятницу. Эта сучка надерзила мне, я хотел было ее наказать, а она сбежала.

«Ах, вот как ты меня называешь, когда меня нет дома?! – подумала Маша и поймала на себе виноватый взгляд матери. – Я, значит, надерзила тебе? А ты, значит, меня воспитывал? Так это теперь называется? Гад!»

Она пришла в ярость. Она уже окончательно уверовала в то, что сверхъестественным образом стала для отчима невидимой. Уверовала в свою силу.

«Ну, сейчас я тебя проучу! Сейчас ты у меня узнаешь... – и от злости она даже вспомнила вычитанное недавно красивое словечко, – сейчас ты у меня узнаешь ПОЛТЕРГЕЙСТ... Папаша!»

Сделав шаг к отчиму, провожаемая взглядом онемевшей от удивления матери, она осторожно сняла с его ноги войлочный шлепанец и поводила им туда-сюда перед его носом. Степан, Рудольфович, вытаращив глаза, неотрывно следил за движением тапка. Шлепанцем Маша поводила, поводила, а потом с легким смешком несильно треснула им отчима по лбу.

– Уф! – тяжело выдохнул он при этом.

– Маша, – крикнула очнувшаяся мама, – немедленно прекрати!

– Это пусть он врать прекратит, – хладнокровно отозвалась та и свободной рукой сняла с телевизора вазу с давно завядшими цветами. – Пусть он тебе расскажет, зачем по всей квартире за мной гонялся.

С этими словами она аккуратно перевернула графин над головой отчима, выливая на него мутную застоявшуюся воду и вытряхивая высохшие лилии.

– Где она?! – взревел Степан Рудольфович, въезжая понемногу в ситуацию (он ведь слышал ее голос). – Почему я не вижу ее! И все равно, дрянь ты эдакая, я тебя поймаю! – с этими словами он дернулся вперед, широко расставив руки.

И он действительно поймал бы Машу, не отскочи она со всем, на какое была способна, проворством. Но он-то этого не знал и, услышав шум, резко дернулся в противоположную сторону.

– Играем в жмурки! – крикнула Маша весело, – ты голишь! – и запустила в отчима тапком.

Тот взревел и развернулся на сто восемьдесят градусов. Но Маша уже легко обежала его кругом и, оказавшись позади, отвесила ему смачного пинка.

– Я тебя убью, гаденыш! – рычал Степан Рудольфович, вертясь посреди комнаты.

А Маша, смеясь от восторга и подначивая его, прыгала вокруг, пока не бросила нечаянный взгляд на мать, о которой совсем забыла. В лице той было столько муки, столько обиды и мольбы, что все веселье у Маши как рукой сняло.

– Мамочка, он первый начал, – прошептала она, встав как вкопанная, а после встряхнула головой и, удрав из этой сумасшедшей комнаты, заперлась у себя.

Долго еще она слышала, как Степан Рудольфович сначала матерился, а потом оправдывался, как сперва убеждала его в чем-то, а затем отчитывала мать... А когда наступила тишина, в дверь легонько постучали. Маша открыла, и вошла мама.

Они совсем не говорили о том необычном, что стряслось с ними. Не это было главное. Они говорили об отчине. «Степа – хороший человек, – сказала мама, но, встретившись с дочерью взглядом, поправилась, – ну, не то чтобы хороший... – и закончила: – Да даже если и совсем плохой... Я так устала быть одна... Сейчас я скажу ему, чтобы он уходил. Но он уверяет, что был пьян, не в себе, что раскаивается. И я чувствую, что прощу его».

Маша не возражала ей. Не то чтобы и она простила отчима, но она больше НЕ БОЯЛАСЬ его.

И они поплакали вместе – мама и дочка.

4.

Психиатр сначала не верил ни единому их слову, потом, желая разоблачить мошенников, поставил несколько небольших опытов. И убедился: Степан Рудольфович, являясь психически нормальным и имея прекрасное зрение, Машу действительно не видит. То есть не реагирует на нее даже на рефлекторном уровне: когда она заслоняла собой свет, у него не расширялись зрачки. А если она своими ладонями полностью закрывала ему глаза, он продолжал «видеть» комнату. Но изображение как бы застывало и оставалось неизменным. Маша закрывает отчиму глаза ладонями, он кожей лица чувствует прикосновение ее рук, а комнату «видеть» продолжает. Но минут через двадцать – двадцать пять свет в глазах Степана Рудольфовича все же меркнет. В этот момент его зрение как бы улавливает ее присутствие, но только как непреодолимое препятствие для света: он не видит ничего.

Стоит ей отвести ладони, как вся она для него снова исчезает.

Исчезали ее лицо, ее руки и одежда, которая была на ней в тот роковой вечер. Стоило ей, например, снять свитер и остаться в кофточке, как отчим начинал видеть «полтергейст» – кофточку, болтающуюся между небом и землей. Но самое поразительное, что вскоре отчим переставал видеть и кофточку. Тень Маши – и ту он теперь не видел.

Врач заявил, что не берет на себя смелость делать какие-либо основательные выводы, а может лишь высказать ряд предположений. По-видимому, сказал он, мы являемся свидетелями мощного гипнотического воздействия. В мозг Степана Рудольфовича вложены информация об объекте и команда НЕ ЗАМЕЧАТЬ этого объекта. Как лягушка не замечает неподвижный предмет, а видит только движущийся. В Машинном случае небывалая сила гипнотического воздействия, по-видимому, обусловлена теми необратимыми изменениями, которые произошли у нее в мозгу во время травмы при родах...

– Доктор, – вмешалась мать, – вы мне главное скажите: будет он ее видеть?

– Уверенно сказать не могу ничего. Возможно, со временем это и пройдет.

А Маша к тому времени уже успела разобраться в своих чувствах и понять, что происшедшее она считает вовсе не бедой, как взрослые, а напротив, благом. Отныне она сможет спокойно жить дома, полностью освобожденная от назойливого внимания отчима. Хорошо бы уметь становиться невидимой по желанию... Она спросила:

– Доктор, а специально я так смогу?

– Ну, уж на этот-то вопрос точно никто, кроме тебя самой, не ответит. Попробуй. Посмотришь, что получится.

– А что-нибудь еще я могу? Или только невидимкой становиться?

– Не знаю, не знаю. Пробуй. Кстати, – обратился он к матери с отчимом, – я не удивлюсь, если не приступ стал причиной огромной силы ее гипноза, – он кивнул на Машу, – а наоборот: приступ случился от перегрузки психики, от напряжения...

– Доктор, – снова перебила его мама, – а когда Машенька вырастет, изменится внешне...

– Вы хотите спросить, станет ли она тогда для вашего мужа видимой? Вряд ли. Его психика саморегулируется. Если изо дня в день он будет иметь Машу перед глазами, изменения на короткое время будут становиться видимыми, но вскоре снова будут исчезать. Вот если бы он не видел ее лет десять-пятнадцать, он бы забыл ее внешность, а она бы сильно изменилась за это время, то, возможно, она бы вновь стала полностью и навсегда видимой для него.

... Степан Рудольфович до смерти боялся невидимки в доме и сразу решил, что, лишь только помирится с женой, заставит ее отправить дочь куда-нибудь подальше. Минимум на те десять – пятнадцать лет, о которых говорил доктор.

Маша не догадывалась о намерениях отчима и, с радостным чувством явившись из больницы, завалилась спать, а на следующее утро с тем же светом в душе отправилась на занятия.

Химия. Самый ненавистный урок. В Машинном дневнике было записано: «Подготовиться к лабораторной». Естественно, ни к какой лабораторной Маша не готовилась, и на урок она плелась крайне неохотно. По дороге на лесенке у нее появилась идея поэкспериментировать со своим новоприобретенным даром. Именно на химичке – Крокодиле.

Урок начался, дежурная раздала комплекты реактивов, и все, глядя на доску, где заранее были написаны формулы будущих реакций, принялись сливать жидкости в нужных пропорциях и подогревать полученные смеси на голубых язычках спиртовок.

Но один человек всего этого не делал. Маша. Она сидела без движения и, сосредоточенно глядя на учительницу, про себя повторяла: «Меня нет. Я не существую. Меня нет...» Она твердила это заклинание так упорно, что у нее слегка заболела голова. И ей уже стало казаться, что желание ее передалось учительнице, когда та, встретившись с ней взглядом, язвительно поинтересовалась:

– А тебе, деточка, особое приглашение требуется? У меня на лбу ничего не написано. И нечего строить такие невинные глазки, мальчикам их строй, а мне не глазки твои нужны, а знания.

Маша обиделась. Обиделась сильно. Ее пытаются опозорить, выставить перед ребятами посмешищем. Ярость горячей волной поднималась откуда-то снизу, заставляя чаще биться сердце, перехватывала дыхание, сжимала виски...

Ах, бедная, бедная женщина-мышка, бедное неказистое существо по кличке Крокодил (прозванное так не по нраву, а по внешнему сходству), оно еще и не ведало, что вовсе не всегда учителю удастся безнаказанно поизмываться над смазливой ученицей и взять таким образом реванш за свое многолетнее одиночество.

– Иди-ка, девочка, к доске, – продолжала она, – покажи всему классу, на что ты способна.

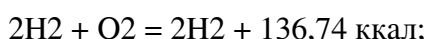
Маша встала и, не опуская глаз, на негнущихся ногах двинулась к столу преподавателя. «Меня нет! Меня нет!» – кричала она мысленно, под аккомпанемент пульса в висках. И, не выдержав ее взгляда, учительница опустила глаза.

Маша поравнялась со столом и, боясь упасть от головокружения и оттого, что весь мир заволочло плотным розовым туманом, схватилась за крышку обеими руками. И отчетливый монотонный голос зазвучал в ней, протяжно и раскатисто выговаривая бессмысленные слова неземного, но уже знакомого ей по звучанию языка... Маша не потеряла сознания, когда все это резко прекратилось, и ясность восприятия быстро вернулась к ней.

В этот момент учительница подняла взгляд, но никого перед собой не увидела. «Дерзкая девчонка, – подумала она, – я вызываю ее к доске, а она имеет наглость, даже не пытаясь спросить разрешения, уйти из класса...»

И тут она увидела нечто такое, что запомнится ей на всю оставшуюся жизнь. Сами собой из подставки одна за другой принялись выскакивать пробирки и выливать свое содержимое в большую колбу.

Присев на краешек стула по причине самопроизвольного подгибания коленок, Крокодил, прикрыв, чтобы удержаться от крика, рот ладонью, огромными от ужаса глазами следила за полетами пробирок и, рефлекторно прочитывая на их стенках химические знаки, выстраивала в уме формулы реакций, происходящих сейчас в колбе. Последняя из этих формул выглядела так:

что означает: компоненты полученной в результате невероятных полетов колб смеси водорода и кислорода (называемой химиками «гремучим газом») в случае возгорания войдут в данную реакцию, и это вызовет выделение большого количества тепла. Говоря проще, рванет.

Словно подслушав ее мысли, со стола соскочил и взмыл в воздух спичечный коробок. Зависнув над столом, он открылся, и выползшая из него спичка шаркнула о коричневый бочок.

«Ай!..» – тихонько прокричала Крокодил. Но было поздно. Она только и успела, что соскочить со стула и прижаться спиной к доске.

Маша, собственно, и хотела взрыва. Она была уверена, что если слить несколько веществ и поджечь полученную смесь, та обязательно взорвется. Как бы не права она ни была, на этот раз она таки угадала.

Взрыв потряс школу. Стекла из окон кабинета химии вылетели со звоном, слившимся с криками ребят и воем пожарной сигнализации. Отброшенная взрывной волной к первой парте, Маша терла обожженные руки и истерически хохотала. Химичка в глубоком обмороке сползала по стенке на пол. А из коридора доносился топот бегущих к месту происшествия людей.

... – Так и знай, – кричал на Машу рассерженный седой директор, – даром тебе эта выходка не пройдет! Так и передай своей мамочке!

– Но я не вижу ее, не вижу... – причитала химичка.

А не понимавший, что она имеет в виду, директор успокаивал ее:

– Ну ничего, ничего, это шок, это пройдет, все целы и невредимы, ничего не случилось.

... Для одноклассников Маша оставалась видимой, и они с наслаждением лицезрели разыгранный ею у доски спектакль. Теперь, провожаемая их восхищенными взглядами, Маша, подавленная мыслью о предстоящем тяжелом разговоре с матерью, шла по коридору второго этажа. И тут случилось то, ради чего она готова была бы пережить десяток подобных разговоров – ее догнал Леша Кислицин и САМ обратился к ней:

– Что тебе будет?

– Не знаю, – улыбнулась Маша и почувствовала, как улетучивается тяжесть с ее души. – Кажется, из школы выгонят.

– Ну и черт с ней, с этой школой, – сказал Леша, – ты и не жалея. Я, между прочим, тоже ухожу отсюда. Предки в новом микрорайоне хату получили. Обидно, конечно, в чужом классе школу заканчивать: последний звонок, все такое... Но с ребятами-то я буду встречаться. А учителя меня здешние достали – один понт, а знаний – ноль.

Он проводил ее до дома. Впервые мальчик провожал ее до дома. И сразу не какой-нибудь бросовый, а именно ее Атос. Они еще несколько минут проболтали возле ее подъезда, и она, словно на крыльях, взлетела на свой этаж, беспрестанно повторяя адрес лешиной новой квартиры, который он ей только что продиктовал, и номер телефона: 32-12-43. Дома все это было занесено в блокнот и любовно окружено маленькими рисованными розочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.